

Ольминский Михаил Степанович

**Государство, бюрократия и абсолютизм в
истории России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
М69

М69 **Михаил Степанович О.**
Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / Ольминский Михаил Степанович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 178 с.

ISBN 978-5-521-26322-6

ISBN 978-5-521-26322-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1. Государства въ государствѣ.

Отъ эпохи начала XVI вѣка сохранилось описаніе одного изъ боярскихъ наѣздовъ. Князь Иванъ Лапинъ напалъ на монастырскій дворъ, угналъ коней, ограбилъ имущество и убилъ монастырскаго слугу. На шумъ прискакали сосѣдніе крестьяне и великокняжескій псарь. Одинъ изъ людей князя Лапина,—нѣкій Карпикъ,—былъ взятъ въ плѣнъ: его „къ мертвому Иванѣ къ ногѣ привязали“ Затѣмъ Карпика отправляютъ вмѣстѣ съ убитымъ Иванкою къ намѣстнику въ Каширу. Князь Лапинъ и его люди напали на конвой, „пристава и его понятыхъ учили бити, и стрѣляти, и саблями сѣчи“, чтобы отбить Карпика; при этомъ у соцкаго Оилата саблею отсѣкли ногу. Однако бой кончился неудачно для Лапина: онъ самъ попалъ въ плѣнъ; его представили на судъ великаго князя. Казалось бы, съ нынѣшней точки зрѣнія, Ивану Лапину не сдобровать. Получилось не то: по приговору суда, его обязали только вернуть награбленное да уплатить 4 рубля за Ивашкину голову.

Это было на рубежѣ между удѣльнымъ періодомъ и такъ называемымъ самодержавіемъ. Но вотъ самодержавіе уже безспорно утверждено. Полтора столѣтія прошло со времени наѣзда князя Ивана Лапина. Сильно ли измѣнились отношенія между самодержавной и единой державной государственной властью, съ одной стороны, и отдѣльными землевладѣльцами, съ другой? Повидимому, не такъ ужъ сильно. Въ концѣ XVII вѣка, по свидѣтельству историка, помѣщики въ родѣ князя Лобанова-Ростовскаго нерѣдко выѣзжали на большую дорогу грабить и разбивать „даже государевыхъ мужиковъ съ государевой казною“¹⁾. Въ самой Москвѣ,—разсказываетъ И. Забѣлинъ,—„праздный боярскій людъ нерѣдко добывалъ себѣ продовольствіе посредствомъ воровства, грабежей и разбоевъ... Въ Москвѣ дѣйствительно бывали такіе боярскіе дворы, мимо которыхъ не было обывателямъ ни проѣзду, ни прохожу. Таковы, напримѣръ, были дворы на Дмитровкѣ окольничаго Стрѣшнева, кн. Голицына, кн. Татеева“²⁾.

Все это было въ XVII вѣкѣ. Вступаетъ на престолъ Петръ I.

¹⁾ И. Забѣлинъ. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. В. Евр. 1871 г. №№ 1 и 2.

²⁾ Тамъ же № 1 стр. 14.

Энергичный, непреклонный, беспощадный. Государственная власть поднимается на небывалую высоту. Растетъ регулярная армія, состоящая въ постоянномъ и непосредственномъ распоряженіи центрального правительства. Каково же отношеніе этого правительства къ боярскимъ наѣздамъ?

Въ 1709 году князь Оед. Юр. Ромодановскій поссорился съ крапивенскимъ воеводой и комендантомъ Левшинымъ. Не долго думая, онъ собираетъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ села Жердева, вооружаетъ ихъ, идетъ съ ними на городъ Крапивну и раззоряетъ построенную у города плетневую крѣпость. Когда же Ив. Левшинъ сошелъ съ воеводства, люди князя Ромодановскаго наѣзжаютъ грабежомъ на Бѣлевскую вотчину бывшего воеводы, подвергаютъ разграбленію весь домъ и скотъ его, избиваютъ людей,—одного даже убиваютъ. Въ 1711 Левшинъ подаетъ жалобу въ Москву,—и только въ 1717 году получаетъ отвѣтъ, что въ разслѣдованіи по жалобѣ ему отказано за непредставленіемъ явныхъ уликъ (!).

Вообще не только въ XVII вѣкѣ, при Московскомъ самодержавіи, но и въ XVIII,—въ періодъ императорской Россіи,—помѣщичье село,—разсказываетъ К. П. Побѣдоносцевъ¹⁾,—„представляется какъ будто малымъ государствомъ посреди большого; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе“. Помѣщикъ по нѣскольку лѣтъ не исполняетъ никакихъ требованій правительства и даже, пользуясь вооруженной силой своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, открыто возстаетъ противъ властей. „Явленія этого рода,—продолжаетъ Побѣдоносцевъ,—такъ часто встрѣчаются въ памятникахъ, изданныхъ уже во всеобщее свѣдѣніе, что едва ли нужно приводить примѣры. Но въ памятникахъ, еще не изданныхъ, такихъ примѣровъ еще больше“.

Съ богатымъ не судись,—говоритъ русская поговорка, основанная на долгомъ историческомъ опытѣ. Не судись не только крестьянинъ противъ помѣщика, но и менѣе богатый, менѣе сильный помѣщикъ противъ помѣщика болѣе богатаго и сильнаго. Въ XVII и XVIII вѣкахъ обиженному помѣщику было въ высшей степени трудно вызвать богатаго обидчика даже къ судебному разбирательству. Если же это и удавалось, если судъ и рѣшалъ дѣло въ пользу обиженного, то требовались нерѣдко хлопоты въ теченіе десятковъ лѣтъ, чтобы добиться исполненія судебного рѣшенія. „Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ, „собрався со своими крестьяны“... Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія и статьи. СПб. 1876 г. стр. 160—162.

помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь, и освобождалъ только по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большею частью онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе. Нерѣдко случалось, что помѣщикъ, вооруживъ поголовно крестьянъ своихъ, отправлялся съ ними раззорять и грабить сосѣднее имѣніе менѣе сильнаго владѣльца... Приказы московскіе наполнены были подобными дѣлами, потому что у воеводы нечего было и надѣяться на управу. Воевода, еслибъ и хотѣлъ, рѣдко въ состояніи былъ справиться съ ослушникомъ, потому что у воеводы часто недовстаивало солдатъ, кого бъ послать съ приставомъ, за разсылками по другимъ дѣламъ; а у буйнаго ослушника бывала въ распоряженіи цѣлая вооруженная толпа собственныхъ людей и крестьянъ. Въ сычиковыхъ дѣлахъ XVII и XVIII столѣтій часто встрѣчаются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей изъ крестьянъ, разѣзжавшія по дорогамъ подъ предводительствомъ своего помѣщика“.

Таково краткое и яркое описаніе отношеній между помѣщикомъ и государственной властью, данное Побѣдоносцевымъ. Поклонникъ современнаго всесильнаго государства, авторъ останавливается въ изумленіи передъ нарисованной имъ картиной. Онъ видитъ въ ней только хаосъ, безпорядокъ, неустройство. Съ оттѣнкомъ грусти онъ замѣчаетъ, что „при всѣхъ подобныхъ неустройствахъ, сопряженныхъ съ безусловной помѣщичьей властью, она все-таки была нераздѣльною принадлежностью тогдашняго общественнаго быта“. Еще въ большемъ изумленіи и недоумѣніи остановится, вѣроятно, передъ данными фактами современный рядовой читатель: вѣдь онъ воспитанъ на представленіи о грозной, всепроникающей, всепокоряющей силѣ московскаго самодержавія, олицетворяемаго всесильнымъ самодержцемъ на московскомъ престолѣ. Вѣдь это самодержавіе, это „государство“ закрѣпостило „всѣ сословія“; по своему произволу оно создавало новыя сословія и упраздняло старыя; оно же, раздавая землю въ помѣстья, само и создавало классъ или сословіе помѣщиковъ. Это „самодержавіе“ было, по ходячему представленію, первоисточникомъ чуть ли не всѣхъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Какъ же совмѣстить со всѣмъ этимъ тотъ фактъ, что помѣщичье село было маленькимъ государствомъ среди большого,—притомъ государствомъ, хотъ и маленькимъ, но отъ большого довольно-таки независимымъ? Не была ли сравнительная независимость помѣстья лишь случайнымъ явленіемъ, результатомъ временнаго ослабленія самодержавія? Не была ли она только ослушаніемъ, злоупотребленіемъ? Или корни ея лежатъ глубже? Или ходячія представленія объ отношеніяхъ между „общественнымъ бытомъ“ и всесильнымъ „государствомъ“, закрѣпощающимъ *все* сословія, требуютъ по меньшей мѣрѣ провѣрки?

Объ этихъ ходячихъ представленіяхъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно. Раньше же постараемся выяснитъ происхожденіе и сущность явленія, описаннаго Побѣдоносцевымъ и многими другими историками.

Заглянемъ на минуту въ глубь вѣковъ.

Уже на зарѣ русской исторіи замѣчается черта, характерная вообще для средневѣковья: общинные союзы разрушаются, выдѣляется крупное землевладѣніе. „На западѣ и у насъ одинаково въ теченіе средневѣковья древніе общинные союзы борются съ крупнымъ землевладѣніемъ, община борется съ боярщиной, и боярщина къ концу среднихъ вѣковъ, при содѣйствіи княжеской власти, вполнѣ торжествуетъ надъ общиной“ ¹⁾. Въ кievскомъ періодѣ мы имѣемъ такъ называемыхъ земскихъ бояръ, образовавшихся въ средѣ днѣпровскихъ и ильменскихъ славянъ еще до варяговъ. Это были богатые землевладѣльцы и рабовладѣльцы, мужественные воители,—сильнѣйшіе люди въ странѣ. Они имѣли прочную осѣдлость и тѣсную связь съ населеніемъ. Затѣмъ являются дружинники, бояре княжескіе, варяжскіе вятизи. Первоначально они не имѣютъ земельныхъ владѣній, а живутъ военной добычей и содержаніемъ, получаемымъ отъ князей.

Представляло ли собою ихъ появленіе призваніе, пришествіе или нашествіе варяговъ,—для насъ не важно.

А важно то, что и эти „княжескіе бояре“, подвижные дружинники, скоро, какъ и ихъ князья, пріобрѣтаютъ осѣдлость, становятся землевладѣльцами, связанными съ окрестнымъ населеніемъ постоянными и прочными имущественными отношеніями. Исчезаетъ даже національное различіе между земскою и княжескою знатью; исчезаетъ и разница въ ихъ отношеніяхъ къ своему военному вождю и самому крупному землевладѣльцу, къ князю: „многіе земскіе бояре поступаютъ въ число дружинниковъ и становятся княжескими слугами, не теряя своего земскаго значенія, въ то время какъ княжескіе бояре постепенно пріобрѣтаютъ это значеніе, благодаря земельной осѣдлости. Замѣтно различавшіеся первоначально оба слоя знати такимъ образомъ сливаются въ одинъ классъ боярства... Лѣтопись уже не различаетъ тѣхъ и другихъ. Новые кievскіе и владимірскіе дружинники являются такими же боярами, какъ и бояре Великаго Новгорода, эти несомнѣнные потомки древней, туземной земской знати... Новгородское боярство сохранило дольше боярства другихъ областей самостоятельное значеніе, но и изъ новгородскихъ бояръ многіе служили князьямъ“ ²⁾.

„Бояре служили князьямъ“, но было бы грубой ошибкой предста-

¹⁾ Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. СПб. 1907. Стр. 53.

²⁾ Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. СПб. 1898. Госуд. тип. Стр. 16.

влять себѣ эту службу въ томъ видѣ, въ какомъ всякая вообще служба представляется намъ теперь. Точно также и наличность княжеской власти еще не даетъ основанія думать, что княжество являлось государствомъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Въ тѣ времена сношенія между людьми были рѣдки, товарно-денежнаго хозяйства почти еще не существовало; а въ періодъ почти полного господства натурального хозяйства, когда люди живутъ каждый „особѣ“ или небольшими группами, не можетъ образоваться и крупныхъ политическихъ единицъ. Поскольку же политическое объединеніе происходитъ, оно ограничиваетъ свои цѣли преимущественно защитой отъ набѣговъ ближайшихъ сосѣдей. Органы политической организаціи еще мало регулируютъ хозяйственныя отношенія, мало проникаютъ въ глубь повседневной жизни. Тѣмъ самымъ всякая мѣстная сила экономическая получаетъ значеніе и самостоятельной политической силы. А такъ какъ основой экономического господства являлось землевладѣніе, то естественно, что землевладѣльцу же, каждому въ отдѣльности, принадлежала и политическая власть, какъ самостоятельной политической единицы.

Ограниченіе политической самостоятельности каждого отдѣльнаго землевладѣльца въ пользу организаціи землевладѣльцевъ—медленный процессъ. Онъ тѣсно и непосредственно связанъ съ ростомъ денежнаго хозяйства, объединяющаго населеніе въ процессъ хозяйственной дѣятельности. Пока хозяйственное объединеніе слабо,—слаба и организація землевладѣльцевъ, слаба власть государства. Каждый землевладѣлецъ обладаетъ почти всѣми правами князя, свободенъ отъ вмѣшательства князя въ жизнь той территоріи, которою онъ владѣетъ. Такимъ образомъ въ Россіи „поземельный владѣлецъ, какъ замѣчаетъ Неволинъ, получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи своей жалованной грамоты частный вотчинникъ по отношенію къ своей вотчинѣ; онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ, дѣлался посредникомъ между ними и княземъ“¹⁾).

Въ только что приведенной цитатѣ правильно говорится о землевладѣльцахъ или вотчинникахъ, какъ о носителяхъ части державныхъ правъ; и совершенно неправильно,—поскольку рѣчь идетъ о происхожденіи этихъ правъ, о томъ, будто вотчинникъ „дѣлался“ чѣмъ то на основаніи своей жалованной грамоты. Ибо извѣстно, что эти жалованные грамоты не давали вотчиннику ничего новаго, а только регистрировали и закрѣпляли тѣ права, которыми вотчинникъ обладалъ уже раньше. Онъ не творилъ новаго права, а гарантировали признаніе права, уже существующаго.

¹⁾ Тамъ же стр. 18.

Богатый бояринъ-вотчинникъ обладалъ на территоріи своихъ владѣній правомъ суда, управленія и сбора налоговъ. Лишь впослѣдствіи, медленно и частями, началось ограниченіе этихъ правъ въ пользу общей организаціи землевладѣльцевъ. Изъ права суда, напримѣръ, стали исключаться дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ. „А волостели мои и тіуны, — сказано въ жалованной грамотѣ, выданной Иваномъ Калитой Ивану Петелину, — доводчиковъ своихъ не всылають къ Ивану и ко всѣмъ его людямъ ни по что, ни кормовъ не емлють, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татѣбы съ поличнымъ, а праветчики поборовъ не берутъ у нихъ, ни вѣзжаютъ ни по что. А вѣдаетъ свои люди самъ Иванъ или кому прикажетъ“.

Самая территорія княжества не представляла собою чего либо постояннаго и нерушимаго. Бояринъ могъ „перейти на службу“ къ другому князю, — вмѣстѣ съ тѣмъ переходила изъ княжества въ княжество и вся территорія, подвластная боярину. Лишь съ конца XIV вѣка, по словамъ Павлова-Сильванскаго¹⁾, князья начинаютъ, договариваясь между собою, вводить пунктъ о томъ, что вотчина отѣхавшаго боярина остается въ составѣ государственной территоріи того князя, въ чертѣ владѣній котораго она находится. Это новое правило, ограничивающее державныя права землевладѣльца, получило себѣ выраженіе въ формулѣ: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“, — т. е. въ отношеніи суда и дани всѣ отвѣтственны передъ властями по мѣсту осѣдлости.

Крупнымъ вотчинникамъ въ отношеніи суда и управленія подчинены были не только крестьяне, жившіе на ихъ земляхъ, но и другіе, менѣе сильные, самостоятельные вотчинники. Такимъ образомъ „бояринъ, слуга князя, имѣлъ въ свою очередь слугъ вотчинниковъ, стоявшихъ къ нему въ такихъ же служебныхъ отношеніяхъ, какія самъ онъ имѣлъ къ своему князю... Бояре, служившіе подручному удѣльному князю, выступая въ походъ съ войсками великаго князя, шли особымъ полкомъ, подъ стягомъ своего удѣльнаго князя“²⁾.

Великій князь, удѣльный князь, крупный вотчинникъ на службѣ князя, мелкій вотчинникъ на службѣ у крупнаго, — мы видимъ іерархію взаимозависимыхъ людей, не говоря уже о крестьянахъ, подвластныхъ вотчиннику. Какимъ образомъ образовалась эта іерархія? Была ли она насильственнымъ союзомъ, созданнымъ сверху, путемъ завоеванія и покоренія великимъ княземъ подъ ноги свои всякаго сосѣда? Или же къ созданію такой іерархіи обнаружилось тяготѣніе снизу, и она была результатомъ повседневной, „мирной“ экономической эволюціи? Приходится отвѣтить: и то, и другое. Этихъ двухъ процессовъ нельзя раздѣлять. Требованія экономического развитія, постепенно назрѣвая,

¹⁾ Тамъ же стр. 25.

²⁾ Тамъ же, стр 20—21.

сплошь и рядомъ получаютъ себѣ окончательное признаніе только путемъ насильственного акта,—политическаго переворота, завоеванія. И наоборотъ: завоеваніе, политическій переворотъ только тогда оказываются жизненными, когда они отвѣчаютъ новымъ потребностямъ хозяйственной жизни. И ошибка поверхностнаго наблюденія заключается въ томъ, что оно видитъ только внѣшній актъ, напримѣръ завоеваніе, тамъ, гдѣ источникомъ переменъ политическихъ отношеній являются мало-замѣтные измѣненія въ потребностяхъ хозяйственной жизни.

2. Вотчина государя-царя.

Мы уже упоминали о борьбѣ между боярствомъ и общиной въ древней Руси; мы видѣли, что въ результатъ этой борьбы получилось торжество боярщины, крупнаго землевладѣнія. Эта борьба не могла не возникнуть въ эпоху возникновенія земледѣльческаго хозяйства. Для хлѣбопашества нужны были средства, — скоть, орудія, запасы,—на время подготовки пашни и до урожая. У рядового общинника такихъ средствъ не было, и первобытная община, какъ цѣлое, не выработала методовъ взаимной помощи своимъ членамъ въ дѣлѣ, которое въ наши дни называется организаціей мелкаго кредита. За то въ первобытной общинѣ или рядомъ съ нею всегда находился благодѣтель, готовый выручить бѣдняка за ростовщическій процентъ. Находились благодѣтели и на случай неурожая въ общинахъ съ уже развившимся хлѣбопашествомъ. Это были люди, успѣвшіе округлить свои владѣнія и сдѣлать запасы корма, зерна и т. д. Затѣмъ уже, разъ создавшись, крупное землевладѣніе естественно растетъ; растетъ и рабочая сила, которою оно располагаетъ: рабы, закабаленные крестьяне. Разрушеніе общинной связи, появленіе „сильныхъ“ людей, — сильныхъ не только богатствомъ, но и воинской силой вооруженныхъ холоповъ и крестьянъ,—дѣлаетъ положеніе уцѣлѣвшихъ общинниковъ крайне не прочнымъ. Бояринъ со своими людьми можетъ наѣхать, разорить, ограбить, убить. Негдѣ искать защиты, кромѣ какъ у того же державнаго боярина. Цѣлая община и отдѣльные крестьяне добровольно отдаются во владѣніе боярамъ, чтобы найти у нихъ покровительство и защиту,—какъ отъ людскихъ нападеній, такъ и отъ стихійныхъ бѣдствій. „На западѣ такая отдача себя подъ защиту называлась коммendaціей, у насъ—закладничествомъ, отъ слова закладывать, въ смыслѣ укрываться, задаваться“ ¹⁾.

Такъ возникаетъ на мѣстѣ стараго, общиннаго, новый іерархическій союзъ людей, экономически различныхъ по силѣ, а потому и

¹⁾ Н. П. Сильванскій. Феод. въ др. Руси, стр. 61.

политически неравноправныхъ. И такая іерархическая ячейка вовсе не была результатомъ только насилія: она соотвѣтствовала интересамъ,— а слѣдовательно и правосознанію,—массы населенія. Изъ этихъ іерархически-организованныхъ союзовъ въ послѣдствіи вырабатывается то, что мы знаемъ подъ именемъ крѣпостной вотчины и помѣстья. Крѣпостное право, какъ превзойденная ступень развитія, вызываетъ въ насъ очень недобрыя воспоминанія. Но если перенестись въ глубь прошлаго и представить себѣ тогдашнія условія жизни, то придется признать, что и крѣпостное право въ свое время было явленіемъ прогрессивнымъ. Крѣпостное право было, конечно, выгодно прежде всего крупнымъ землевладѣльцамъ. „Но нельзя забывать и того,—говоритъ Н. Рожковъ,— что въ одномъ отношеніи крѣпостное право шло навстрѣчу настоящей потребности крестьянской массы, — потребности въ матеріальной поддержкѣ, которая спасла бы крестьянство отъ голодной смерти въ годы неурожаевъ и вообще помогла бы ему пережить тяжелый переходный моментъ перестройки всего своего быта съ натурально-хозяйственной основы на основу денежно-хозяйственную, по крайней мѣрѣ отчасти. Вѣдь владѣлецъ крѣпостныхъ крестьянъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи ихъ жизни и минимума средствъ существованія, потому что нуждался въ рабочихъ и въ доходахъ со своей земли. Потому онъ и оказывалъ своимъ крестьянамъ необходимую для нихъ матеріальную поддержку“ ¹⁾. Нужно еще имѣть въ виду, что при слабости землевладѣльческой организаціи (слабости государства) крестьянинъ сравнительно легко могъ избѣгнуть власти своего помѣщика, — и помѣщикъ вынужденъ былъ не слишкомъ сильно эксплуатировать своего крестьянина. Всѣ условія жизни,—и экономическая необходимость, и политическая необезпеченность, и невозможность чрезмѣрной эксплоатаціи,—вели къ тому, что отдача себя въ зависимость, — закладничество,—была сильно развита въ древней Руси. „Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу. Отпущенный на волю по завѣщанію умершаго господина, холопъ слѣшилъ закабалить себя наслѣднику покойнаго господина или другому кому-нибудь“ ²⁾.

Закладничество продолжается у насъ вплоть до конца XVII вѣка. Въ концѣ этого вѣка въ Москвѣ случилось удачное возстаніе стрѣльцовъ: они стали господами положенія. Боярскаго войска въ Москвѣ не было, но оно могло вскорѣ прійти. Чтобы укрѣпить свое положеніе, стрѣльцы пытаются привлечь на свою сторону холоповъ. Они объявляютъ ихъ вольными и уничтожаютъ кабалы въ Холопьемъ Приказѣ. „Но къ ужасу возставшихъ, — самодовольно замѣчаетъ идеологъ дво-

¹⁾ Н. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. М. 1906 стр. 63.

²⁾ С. М. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872 г. стр. 15.

рянскаго государства,—холопы не двинулись массою и воли не взяли; да и на что бы они взяли, когда многіе изъ нихъ недавно закабалились добровольно, находя это для себя выгоднымъ?¹⁾

Но тѣ же самыя условія, которыя заставляли бѣдноту закладываться за болѣе или менѣе состоятельныхъ землевладѣльцевъ, вынуждали и землевладѣльцевъ менѣе крупныхъ закладываться за болѣе крупныхъ, — за князей. Бояре увеличиваютъ свои владѣнія на счетъ общинъ и волостей,—князья обезпечиваютъ боярскія приобрѣтенія, выдавая „жалованныя грамоты“, обѣлая ихъ отъ волостного тягла. Образуется новый, болѣе крупный іерархическій союзъ: бояре землевладѣльцы во главѣ съ княземъ, и подъ ними — крестьянская масса. Послѣдняя закабалена частью отдѣльнымъ боярамъ, частью—организациі бояръ въ цѣломъ: эта вторая часть номинально числится княжеской собственностью; бояре являются ея господами черезъ посредство князя, поскольку князь безпомощенъ безъ бояръ и противъ бояръ.

Организованность боярства является новымъ толчкомъ къ его росту: нуждаясь въ боярахъ, князь уже не только закрѣпляетъ жалованными грамотами наличное боярское владѣніе, но и дѣйствительно „жалуетъ“ новыя владѣнія,—отдѣльныя села и цѣлыя волости. Такъ экономическое господство, создавая политическую силу господствующаго класса, ускоряетъ обогащеніе послѣдняго, укрѣпляетъ и усиливаетъ его. Въ то же время высшій представитель политической организациі, князь, является высшимъ выразителемъ той идеи, выразителями которой были отдѣльные бояре въ глазахъ закладниковъ: бояре были „благодѣтелями“, защитниками заложившихся за нихъ холоповъ,—естественно, что въ глазахъ тѣхъ же холоповъ и крестьянъ высшій бояринъ, князь, былъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ всѣхъ обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Отдѣльныя части широкой равнины,—родины Государства Россійскаго,—были долго разъединены „страшными дебри и непроходимыми блаты“. Общеніе между отдаленными и разъединенными частями было слабо при господствѣ натурального хозяйства. Каждая область жила обособленной жизнью,—и государственныя организациі не выходили изъ сравнительно тѣсныхъ предѣловъ. И внутри области, внутри отдѣльной государственной организациі (удѣльнаго княжества) власть цѣлаго надъ отдѣльными частями была слаба и не проникала глубоко. Бояре-землевладѣльцы сохраняютъ большую или меньшую часть своихъ державныхъ правъ. Права князей остаются ограниченными; органы государства, подчиненные непосредственно князю, не имѣютъ права вѣзда въ боярскія владѣнія.

Въ „жалованныхъ“ грамотахъ постоянно повторяется напомина-

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Общ. П. Кн. III стр. 905.

ніе объ ограниченности княжескихъ правъ: „а волостели мои въ околицу его не вѣзжаютъ“; „а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуны не вѣзжаютъ“ ни къ вотчинникамъ, ни къ „ихъ людямъ ни по что“.

Впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ складывались болѣе крупныя политическія единицы, іерархія землевладѣльцевъ росла и въ ширь, и вверхъ. Мелкіе князья и княжата „служать“ великимъ князьямъ, бояре—князьямъ, боярамъ—менѣе сильные вотчинники, а подъ ними далеко внизу—крестьянинъ-земледѣлецъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ ростомъ денежнаго хозяйства и оживленіемъ сношеній, московскій великій князь получаетъ перевѣсъ надъ другими великими князьями. Одно княжество за другимъ,—то волей, то неволей,—присоединяется къ Москвѣ; но этимъ присоединеніемъ не уничтожаются совершенно политическія права князей-землевладѣльцевъ: „Наравнѣ съ московскими боярами, княжата служатъ воеводами: военными начальниками и городскими намѣстниками. Но эти новыя московскіе воеводы остаются князьями-государями въ предѣлахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній. „Слуга“ московскаго великаго князя остается у себя дома княземъ-сеньоромъ“¹⁾. „Приходя на службу московскимъ государямъ съ своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами,—говоритъ С. О. Платоновъ, — удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они только переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были по прежнему государями“.

Мнѣ уже приходилось упоминать о томъ, что жалованныя грамоты вовсе не были актами пожалованія, подарка и т. п. „Не слѣдуетъ думать,—замѣчаетъ Н. Рожковъ,—что дача жалованныхъ грамотъ князьями свидѣтельствуетъ о происхожденіи всѣхъ этихъ преимуществъ изъ княжескаго пожалованія; жалованныя грамоты только формулировали давно сложившійся и господствовавшій обычай и подтверждали, укрѣпляли права, подобно тому, какъ теперь имущественныя права нуждаются въ нотаріальномъ актѣ укрѣпленія“.

Историкъ нашихъ дней, узнавая объ этомъ „господствовавшемъ обычай“ и объ „укрѣпленіи права“, уже существующаго, преимущественно изъ жалованныхъ грамотъ, незамѣтно усваиваетъ жаргонъ данныхъ документовъ и сбивается на представленіе, будто жалованныя грамоты были первоисточникомъ правъ вотчинниковъ и князей. Такъ Милютинъ утверждалъ, что *слѣдствиемъ* жалованныхъ грамотъ было у насъ образованіе полунезависимыхъ и замкнутыхъ въ себѣ государствъ

¹⁾ Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. Стр. 86.